

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман

ОДЕССА ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В МЕМУАРАХ НАТАЛЬИ ЛОГУНОВОЙ

Аннотация. В статье представлен фрагмент мемуаров русской писательницы-эмигрантки Н.А. Логуновой, посвященных событиям 1918–1920 гг. в Одессе. Мемуары Логуновой хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США); в России эти документы ранее не были известны.

Анализируется историко-политический контекст событий, о которых повествует Логунова: смена властей в Одессе в годы Гражданской войны. Сначала городом правили сторонники Временного правительства, их сменили представители Украинской Центральной Рады (УЦР), затем – в ходе «январских боев» 1918 г. – в городе была провозглашена Одесская советская республика. В марте республика пала, в Одессу вошли австро-германские войска, поддерживавшие Украинскую державу гетмана П.П. Скоропадского, затем войска С.В. Петлюры, быстро сменившиеся интервентами. После ухода интервентов власть перешла к большевикам, затем – к Вооруженным силам Юга России, затем – опять к большевикам. Описывается реакция современников на «чехарду властей». Согласно одному из мемуаристов, П.С. Ставрву, одесситы «чумели» от происходящего.

Рассказывается о жизненном и творческом пути автора мемуаров – Н.А. Логуновой. Описывается ее происхождение, образование, образ жизни, интересы. В юности она входила в кружок молодых одесских литераторов, знала В.П. Катаева, Э.Г. Багрицкого, Ю.К. Олецу. Первый ее рассказ был опубликован в 1920 г. К советской власти относилась резко отрицательно, не находя для себя возможным вести литературную деятельность в условиях большевистской диктатуры. В годы Второй мировой войны, во время румынской оккупации Одессы, сотрудничала с оккупационными властями, печаталась в русских периодических изданиях. Затем эмигрировала и остаток своих дней прожила в США, где и написала мемуары.

Публикуемый фрагмент мемуаров снабжен небольшим комментарием. Общеизвестные имена и реалии, а также имена и реалии, о которых речь идет во вступительной статье, не комментируются.

Ключевые слова: Н.А. Логунова; мемуары; Одесса; революция; Гражданская война в России.

**Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук,
профессор Российского государственного гуманитарного**

университета (РГГУ); ведущий научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН). E-mail: kianoks@inbox.ru

Фельдман Давид Маркович – доктор исторических наук,
профессор Российского государственного гуманитарного
университета (РГГУ). E-mail: dmfeld@inbox.ru

O.I. Kiyanskaya, D.M. Feldman. A Civil War in Odessa in Natalya Logunova's Memoirs

***Abstract.** The article deals with the memoirs of the Russian writer-emigrant, N.A. Logunova, in which she describes the events of 1918–1920 in Odessa. Logunova's memoirs are kept in the Bakhmetevsky archive of Columbia University (New York, USA); in Russia this work has not been known until now.*

Analyzing the historical and political context of Logunova's text, the authors trace the frequent metamorphosis of the power regimes in the city during the Civil War. Initially, the city was ruled by the supporters of the Provisional Government, who were then displaced by representatives of the Ukrainian Central Rada, after which, during the «January fights» in 1918, the Bolsheviks created their Odessa Soviet Republic. In March, that regime fell and was replaced by the military Austro-German authorities acting in support of Hetman Skoropadsky's «Power». Then arrived Petyura's troops, those being soon displaced by interventionist. On their departure, the power in the city passed to the Bolsheviks again, then – to the Armed Forces of the South of Russia, then – again to the Bolsheviks. The memoirs extensively describe the reaction of contemporaries to this «merry-go-round» of the city's administrations. In the words of one of the memoirists, P.S. Stavrov, Odessa's «was constantly crazy» from what was happening.

Turning to the biography of Logunova and her works, the paper describes her origin, education, lifestyle and interests. It is mentioned that in her youth she was a member of the circle of the young Odessa writers and was a close acquaintance of V.P. Katayev, E.G. Bagritsky, Y.K. Olesha. Her first story was published in 1920. Having a sharply negative attitude towards the Bolshevik rule, she did not think it possible for herself to pursue a literary career under their regime. During the Romanian occupation of Odessa, Logunova collaborated with the occupation authorities and published her texts in Russian periodicals. Then she emigrated and lived the rest of her life in the USA, where she wrote her memoirs.

A small commentary is offered to the published fragment of Logunova's memoirs. The well-known names and facts, as well as the names and facts that are discussed in the introductory article, are not commented on.

Keywords: N.A. Logunova; Memoirs; Odessa; Revolution; Civil War in Russia.

**Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Doctor of History, Professor,
Russian State University for the Humanities (RGGU);
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN). E-mail: kianoks@inbox.ru**

Feldman David Markovich – Doctor of History, Professor,
the Russian State University for the Humanities (RGGU).
E-mail: dmfeld@inbox.ru

Гражданская война на территории бывшей Российской империи многократно описана и современниками, и позднейшими исследователями. Конечно, не обделена вниманием и Одесса – город, переживший все ужасы этой войны, город, в котором власти менялись с необычайной быстротой, а жители, проснувшись утром, первым делом выясняли, кто в данный момент правит.

Историки выделяют несколько периодов Гражданской войны в Одессе. Сообразно их смене менялась и власть в Одессе.

С февраля 1917 г. город был под властью Временного правительства. Но оно утратило авторитет еще до Октябрьской революции в столице империи. Затем боролись за лидерство Городская дума, Совет рабочих депутатов и Румчерод (Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы).

Претендовала на власть и созданная в Киеве в ноябре 1917 г. Украинская Центральная Рада, которая в ноябре провозгласила создание Украинской Народной Республики (УНР). В итоге сформированный из представителей разных властей областной Ревком принял решение о вхождении Одессы в состав УНР.

С января 1918 г. в городе начались бои. Румчерод, где тогда временно лидировали большевики, поднял восстание против Центральной Рады. Основными вооруженными силами Румчерода были войска Красной гвардии, поддержанные матросами со стоявших на рейде крейсеров и броненосцев, демобилизованные и распропагандированные большевиками солдаты. Так в городе была создана Одесская советская республика.

Советы продержались до марта 1918 г., когда в город вошли австро-германские войска. Сначала они поддерживали Центральную Раду, а затем распустившего ее гетмана Павла Скоропадского, который объявил себя правителем Украинской державы. Эта власть в Одессе просуществовала семь месяцев, до того времени, когда австро-германские войска после капитуляции проигравших мировую войну Германии и Австро-Венгрии покинули Одессу.

В декабре 1918 г. Одессу заняли войска Симона Петлюры. Он присягнул уже считавшейся разгромленной Центральной Раде и возглавил ее военную администрацию – Директорию. Но вскоре петлюровцы были вытеснены отрядом Добровольческой армии. С ними в Одессу вошли французские интервенты, продержавшиеся до начала апреля 1919 г.

После окончания интервенции власть опять перешла к большевикам. Но в августе Одессу заняли войска, входившие в состав Вооруженных сил Юга

России (ВСЮР). Окончательно советская власть установилась в Одессе с 8 февраля 1920 г. [подробнее об этом см.: Пученков 2013].

О Гражданской войне в Одессе сохранилось множество мемуаров. Так, свидетель событий Иван Бунин писал о «полной безнадежности» происшедшего, о том, что в этих событиях раскрылась «страшная правда о человеке». Убежденный противник большевиков, «теперешним дням» он посылал «всечеловеческое проклятие» [Бунин 1935, с. 91]. Другой современник событий, Перикл Ставров, как и Бунин эмигрировавший из советской Одессы, вспоминал о событиях в городе, когда «прахом распадалась... старая Россия»: «На севере: “Вся власть советам!” – и никаких, и точка. У нас же, на пылком, изменчивом юге по очереди: и “Deutschland über alles”, и “Вся власть советам”, и “Единая, неделимая”, и “Хай живе вільна Україна”, и “Vive la France”, и просто “грабь награбленное”, и “бей, спасай”, и такие еще лозунги, что вспомнить стыдно. Власти сменялись многократно и бурно; от смены этой одесситы чумели» [Ставров 2003, с. 275].

Противником советской власти был и автор публикуемого ниже фрагмента мемуаров.

* * *

Наталья Логунова (урожд. Иванова) родилась 26 февраля 1903 г. «Прекрасный город круто поднимается над безбрежным Черным морем. Прямые, широкие, расположенные в шахматном порядке улицы обрамлены деревьями белой акации. В июне они зацветают гроздьями ароматнейших цветов. Тогда город похож на невесту в подвенечном платье, с замиранием сердца ожидающую своей брачной ночи. Только одна улица – широкая и длинная, раскинувшаяся через весь город от вокзала до одного из лучших в мире театров – Городского – Пушкинская обсажена старыми платановыми деревьями. Кроны их шатров нависают над тротуарами и в жаркие летние дни укутывают их густой тенью. Это Одесса – Южная Пальмира», – так описывала Логунова город своего «рождения, детства и юности» [Logunova, box 8, fol. 11, p. 1¹].

Отец Логуновой, Аполлинарий Иванов, происходил «из крестьян» – хотя семейная легенда гласила, что на самом деле происхождения он был «аристократического». Мать Елена, урожденная Вильсон, согласно тем же преданиям, – из польской шляхты.

Наталья Логунова родилась, когда отец служил в Бессарабско-Таврическом Земельном банке. У нее были младшая сестра Ольга и брат Борис. До

1. Ссылка на мемуары Н.А. Логуновой оформляется следующим образом: Автор (Logunova), номер коробки (box), номер папки (fol.), страница (p.).

революции Логунова успела окончить гимназию, училась музыке и танцам (в частности, под руководством знаменитой Эльзы Крюгер), занималась репетиторством, работала воспитательницей в детском саду и машинисткой в земской управе.

С юности она мечтала стать писательницей. Участвовала в работе кружка молодых одесских литераторов, многие из которых – например, Валентин Катаев, Юрий Олеша и Эдуард Багрицкий – впоследствии стали знаменитыми. В 1920 г., еще до установления советской власти, журнал «Южный огонек» опубликовал первый рассказ Логуновой «Шутка».

О своем дебюте она много лет спустя вспоминала: «Мой рассказ был напечатан. Выйдя на улицу и остановившись у дома, я еще и еще пробегала рассказ глазами. Он был помещен полностью. Ничего в нем не было сокращено. От радости я забыла о гонораре. Это был мой первый напечатанный рассказ. Я поверила в свои силы. Теперь я пойду своей дорогой и буду писательницей. Шла по улице, неся номер журнала, как драгоценность. Казалось, все встречные знают о моем первом литературном крещении. Казалось, журнал раскупают потому, что там помещен мой рассказ», – вспоминала Логунова [Logunova, box 8, fol. 13, p. 319–320].

Советскую власть Логунова не приняла. Разрушился привычный уклад жизни, Одесса стала другой, литературные планы рухнули. Пережив «военный коммунизм», НЭП, украинизацию, кампании «борьбы с вредителями» и «коллективизацию», Логунова пришла к выводу, что ее «старый белый город» при большевиках «умер, как умерла Россия» [ibid., box 9, fol. 2, p. 779]. Для Логуновой советская эпоха – беспросветна. По словам мемуаристки, одесситы жили «в условиях погони за куском хлеба, в условиях ожидания у своих дверей “черного ворона”, в условиях страха, владевшего всеми» [ibid., fol. 1, p. 525].

Сначала она поступила на службу в медико-санитарный отдел Одесского уездного исполкома. Потом работала в других советских учреждениях. Вышла замуж, но в голодающем городе содержать ребенка возможности не было, Логунова прервала беременность и позже детей не имела.

Младший брат Логуновой в годы Первой мировой войны был офицером. Затем служил в Добровольческой армии. В начале 1920-х годов сумел эмигрировать. Поселился в Польше, где и умер от туберкулеза. Младшая сестра Ольга с началом мировой войны стала санитаркой. Вышла замуж, овдовела, воспитывала дочь. Как отметила мемуаристка, это были «страшные годы борьбы за существование» [ibid., fol. 2, p. 628].

Впрочем, Логунова оставила литературные планы не только из-за тяжелых бытовых условий. Подчеркнула в мемуарах: «На литературном поприще в коммунистической стране я не могла бы работать. Моя прямая, честная, отцовская натура не позволила бы мне кривить душой» [ibid., fol. 2, p. 628].

Во время Второй мировой войны войска Румынии заняли Одессу, в августе 1941 г. Логунова с оккупационным режимом сотрудничала. В мемуарах она объяснила такое решение тем, что румыны поначалу относились к населению дружелюбно, а Гитлер, как она полагала тогда, воевал «не против русского народа, а против коммунизма» [Logunova, box 8, fol. 5, p. 1001]. Логунова, по ее словам, надеялась, что советский режим уничтожит Германия, которую в свою очередь разгромят англо-американские войска, и в итоге Россия станет демократической республикой. Ну а до той поры, как утверждала мемуаристка, не так уж мало одесситов готовы были «поддержать Гитлера, черта, дьявола, чтобы расправиться с внутренним врагом» [ibid., p. 1001].

Логунова работала в русскоязычной газете «Молва», сотрудничала и с другими изданиями. Она стала профессиональным литератором – хотя бы при оккупационном режиме.

В марте 1944 г. советские войска освободили Одессу. Румынская администрация успела эвакуировать сотрудничавших с оккупационным режимом одесситов. В числе эвакуированных была и Логунова. Через Румынию она попала в Германию, оказалась в американской оккупационной зоне, а затем в лагере для «перемещенных лиц».

Впоследствии Логунова переехала в США. Там печаталась в эмигрантской периодике. В 1962 г. опубликовала автобиографический роман «Ирина». Его выпустило русскоязычное издательство в Буэнос-Айресе. В 1966 г. в том же издательстве вышел ее роман «Оленька Белл». Шесть лет спустя – в Мадриде – повесть «Человек без лица». Логунова в литературном процессе русской эмиграции была заметной фигурой, хотя и отнюдь не первого ряда. В советской же печати не было упоминаний о писательнице-эмигрантке, принципиально не принимавшей советский режим, да еще и коллаборационистке.

Мемуары «Три эпохи» Логунова завершила в последние годы жизни. Рукопись объемом в 1,5 тыс. страниц передала на хранение архиву Колумбийского университета в Нью-Йорке. По ее словам, надеялась, что мемуары окажутся востребованными «будущей свободной Россией» [ibid., fol. 8, p. 1333–1334].

В хронологии Логунова не всегда точна. Тем не менее мемуары – важный источник для изучения истории досоветской, советской, оккупационной и эмигрантской повседневности. Они еще ждут своих исследователей. Мемуаристка же так завершила повествование: «Если моим творчеством и мной займутся после моей смерти – лучшей награды себе не желаю» [ibid., p. 1334]. Умерла Наталья Логунова в 1972 г.

* * *

<...> Между тем события в стране разворачивались во всю ширь. На Украине оккупанты – немцы и австрийцы – поддерживали самостийно вспыхнувшие движения то Петлюры, то гетмана Скоропадского. Отдельно от этих движений возникло махновское партизанское и поддерживаемое крестьянами анархическое, на черных знаменах которых был лозунг: «Анархия – мать порядка»². Были и другие движения – то тут, то там появлялись отряды Шкуро и атамана Григорьева³. Добровольческой армии приходилось расплывать свои силы для борьбы не только с красными, но и со всеми этими движениями. Чтобы увеличить свои силы против Белой армии, большевики заключили с Махно Старобельское соглашение⁴.

На юге была какая-то чехарда власти. Ложась спать, население не знало, при какой власти проснется. Иногда половина города была занята добровольцами, другая – красными, как это было в Киеве, который несколько раз переходил из рук в руки. Не успевали ознакомиться с приказами одной власти, как их сменяли приказы другой. Каждая власть расправлялась со своими противниками, не успевшими скрыться.

В связи со сменами власти невозможно было наладить хоть какую-нибудь жизнь. Из-за полной разрухи транспорта продукты в город не подвозились. Материальный уровень населения падал катастрофически. То, что еще удавалось доставать из-под полы, продавалось по чересчур высоким ценам и было недоступно большей части населения. Добровольческая армия откатывалась все южнее. Неожиданно земские служащие были встревожены

2. Махно Нестор Иванович (1888–1934) – революционер, лидер украинских анархистов времен Гражданской войны; выступал то в союзе с большевиками, то против них, боролся против гетмана Скоропадского и присутствия австро-германских войск на территории Украины, против Добровольческой армии. В июле 1918 г. объединил под своим командованием разрозненные повстанческие отряды, поддерживаемые местными крестьянами, боролся с войсками Петлюры и Добровольческой армии; эмигрировал.

3. Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947) – в 1918–1920 гг. офицер Русской армии, командовал крупными соединениями в составе Добровольческой армии; эмигрировал.

Григорьев Никифор Александрович (1885–1919) – командир повстанческих соединений, воевавших против гетмана Скоропадского и австро-германских оккупационных войск. Сотрудничал сначала с Петлюрой, затем – с большевиками. В мае 1919 г. поднял мятеж против большевиков, перешел к самостоятельным повстанческим действиям, объединился с Махно, однако между ними вскоре возник конфликт. Убит махновцами [см. об этом: Воронцова 2018].

4. Старобельское соглашение между Махно и правительством советской Украины о совместных действиях против армии П.Н. Врангеля подписано 2 октября 1920 г. в Старобельске.

частыми выстрелами на привокзальной площади. Бросились к окнам. По улицам мчались грузовики, из которых стреляли. Доктор Концевич предложил не стоять у окна, чтобы не быть задетым шальной пулей. Перестрелка стала такой интенсивной, что он предложил всем своим служащим перейти в его кабинет, окна которого выходили во двор Управы. Некоторые не могли выстоять там долго и время от времени выбегали в канцелярию и, прижавшись там к стене, пытались увидеть в окно, что делалось на улице.

– Идет бой у вокзала, – сообщали, возвращаясь в кабинет.

– С кем бой?

– Невозможно понять... Грузовики и машины мчатся в разные стороны и из них стреляют.

Я стояла у окна канцелярии, когда звон разбитого стекла заставил меня отскочить. Пробив стекло, пуля проскочила коридор и застряла в стене.

– Страшно? – положил мне руку на плечо доктор Концевич, – стены здания массивные, пуля их не пробьет, но у окна не рекомендую стоять.

Все были взволнованы. Некоторых женщин трясла лихорадка. И все же любопытство превозмогало страх. Прятаться и не знать, что же происходит, было хуже. Я еще никогда не видела ни одной битвы, и любопытство гнало меня к окну. Противник с вокзала прорвался в город, и бой уже шел перед зданием Управы. Я увидела быстро мчащийся автомобиль. Его обстреливали в упор. Машина остановилась. Из нее вытащили два окровавленных трупа, стянули с них сапоги, обшарили карманы. От вида крови меня начало мутить. Я отошла от окна.

– В город прорвались петлюровцы, – сказал кто-то около меня.

Скоро весь этот район был занят петлюровцами. Ни о каких занятиях не могло быть и речи, и всех служащих отпустили по домам.

– Держитесь стен домов, – предупредил своих подчиненных доктор Концевич, – если попадете в перестрелку, прячьтесь в подворотни домов и парадные.

На этот раз моя дорога домой была чересчур долгой. Несколько раз, попадая в перестрелку, я пряталась в подворотни, в некоторых местах приходилось идти обходным путем.

– Слава Богу! – встретила меня мать на улице у дома, – чего только я не передумала, чего только не пережила!

На следующий день я не пошла на службу, так как в городе было очень беспокойно. А еще через некоторое время Одесса была занята войсками гетмана Скоропадского⁵. На всех учреждениях развевались блакитно-желтые

5. Логунова ошибается: Одесса была занята австро-германскими войсками, в середине марта 1918 г., за девять месяцев до того, как в город вошли войска Директории.

флаги, везде слышалась украинская речь. Скоропадский продержался в городе довольно долго. Вновь открылись рестораны, кафе, театры. На улицах было много его военных. <...>

Жизнь осложнялась все больше. <...> Платить нужно было деньгами, которые в данное время были в ходу и которые при сменах власти теряли свою ценность. Денежные знаки каждой власти в это время не обеспечивались золотым запасом. Они были простыми бумажками, которые население носило уже в мешках и которыми расплачивалось пачками. За буханку хлеба отдавали целые не нарезанные листы керенок, украинки, колокольчики, а при советской власти – лимончики, которые считали уже миллионами. У людей хватало юмора говорить, что теперь все стали миллионерами.

После Скоропадского Одессу заняли добровольцы⁶. <...>

События между тем шли своим чередом. Большевики подступали к Одессе. «Добровольцы не отдадут города. У них организованные войска, большевики же идут раздетые и разутые», – успокаивали себя одесситы. Верили, что поражения Белой армии временные и скоро вся русская земля будет очищена от большевиков. А в это время Красная армия, подвигавшаяся к городу по Николаевской дороге, занимала уже его низменную часть – Пересыпь⁷. Некоторые группы прорвались выше и строчили уже вдоль улиц из пулеметов. Один из пулеметов строчил вдоль Коблевской, на которую выходил фасад нашего дома. Люди, как мыши в норы, попрятались в квартиры. Заложили окна подушками и одеялами, чтобы шальная пуля не проскочила в квартиру. Хотя по Ольгинской, куда выходила наша квартира, еще не стреляли, мы ушли во внутренние комнаты. Бой шел за окнами нашего дома, и нам, двоим женщинам, было страшно. Нас трепала нервная дрожь. Тогда мы еще не знали, что эта перестрелка была детской игрой против того, что нам позже пришлось пережить, когда в городе рвались снаряды, а сверху падали бомбы, разрушая дома, под развалинами которых погибали люди. Мы еще не видели горящих факелов из людей, выбегавших на улицы, ища спасения. Впрочем, последнее пережила только я. Матери в то время уже не было в живых.

Всю ночь ни я, ни мать не сомкнули глаз, прислушиваясь к тому, что делалось на улице. Когда серый рассвет вошел в квартиру, спустились вниз. В город входили большевики. Это была толпа оборванцев, среди которой было много подростков и даже детей. Ни оружия, ни пулеметов с ними не было. Их

6. Имеются в виду события конца декабря 1918 г., когда дислоцировавшийся в одесском порту отряд Добровольческой армии при поддержке французского десанта вытеснил петлюровцев из Одессы.

7. В начале апреля 1919 г. интервенты и части Добровольческой армии оставили Одессу, после чего она была занята войсками Григорьева, воевавшего на стороне большевиков.

не встретил ни один выстрел. Добровольческая армия ночью покинула город, и он сразу опустел. На рейде стал крейсер «Алмаз» и угрожающе направил на город орудия. Его командир, матрос Муравьев, был известен жестокостью⁸. По его приказу в городе хватали всех, заподозренных в сочувствии добровольцам. Приводили арестованных на корабль и тут без суда и следствия расстреливали только по одному доносу. Трупы расстрелянных выбрасывали в море. Позже, когда город вторично перешел в руки Добровольческой армии, куплетист Троицкий⁹ с эстрады распевал песенку: «Ой, яблочко! Да куда котишься? – на “Алмаз” попадешь, не воротишься».

С первого дня занятия города большевиками они врываются в квартиры «буржуев», а к таковым, по их понятиям, принадлежали все, кто прилично жил, и устраивали там резню, не считаясь ни с возрастом, ни с полом. За одну ночь ими было перерезано столько «буржуев», что эта ночь осталась в памяти горожан как вторая варфоломеевская. С первого же дня стали сбивать со зданий русские национальные гербы, сносили памятники. Люди выходили из квартир только в случаях крайней необходимости, одеваясь «под большевиков» и повязав головы платочком, у мужчин появились вместо котелков и шляп кепи. Более прилично одетые в лучшем случае освиствывались, а то и избивались. Шляпа на голове мужчин ли, женщин ли считалась чуть ли не преступлением государственной важности, как измена. Носовой платок считался атрибутом буржуев. Жизнь совершенно вышла из колеи. В банках и других учреждениях царил полная неразбериха. С наступлением темноты улицы пустели. Из тюрем были выпущены преступники, грабившие прохожих. С наступлением темноты дворники запирали ворота всех домов. С заподаввших прохожих снимали не только верхнюю одежду, но и белье, и пускали их в чем мать родила. По всему городу были расклеены приказы новой власти об уплате «буржуями» контрибуции. Так как по указанному в приказе адресу денег никто не нес, новый приказ требовал явки всех владельцев магазинов и других состоятельных лиц города в Городской театр якобы на совещание. В красный бархат кресел партера вдавлились испуганные фигуры биржевиков, маклеров и владельцев больших магазинов. Со сцены на них было

8. На самом деле крейсер «Алмаз» принимал участие в так называемых январских боях 1918 г. Завершились они установлением в Одессе советской власти; Муравьев, упомянутый Логуновой, не был матросом «Алмаза». Речь идет о Муравьеве Михаиле Артемьевиче (1880–1918) – левом эсере, бывшем офицере Русской армии. В февралемарте 1918 г. он командовал одесскими «красными» отрядами, которые вытеснили из города войска УЦР. В июле 1919 г. поднял мятеж против большевиков, но был, по одним сведениям, убит, а согласно другим, – покончил самоубийством.

9. Троицкий Павел Иванович (1891–1964) – эстрадный актер, дебютировал в 1914 г. в Петрограде, где его выступления пользовались большим успехом. С 1918 г. гастролировал по южным губерниям России; эмигрировал.

направлено дуло пулемета. Матросы в полосатых тельняшках и брюках клеш, в бескозырках на головах, заложив руки в карманы брюк, покуривая махорку, сплевывали на пол сцены, где еще недавно с такой легкостью в балетных пачках носились балерины. Матросы требовали с присутствующих огромную сумму контрибуции. Раскачиваясь на крепких ногах, они выкрикивали:

– Мы требуем контрибуции с города... Просим вас по-хорошему внести деньги немедленно.

Кто-то с кресел робко сказал, что такой огромной суммы у них сейчас не наберется. Они отдадут все, что сейчас имеют, а позже соберут остальное. Другой робкий голос просил снизить сумму контрибуции ввиду ее огромности и невозможности даже коллективно ее внести.

– А-а!.. Сволочи!.. С вами цацкаться не будут, кровопийцы проклятые... недорезанные буржуи... Этот номер вам не пройдет. Даем пять минут на размышление... Не внесете, никто отсюда не выйдет живым...

Щелкнул затвор пулемета, подкаченный прямо к рампе.

Внесли полностью. А утром вдрызг пьяная матросня шаталась по улицам и упражнялась в стрельбе по прохожим.

Всех не успели дорезать и расстрелять. Добровольческая армия вновь стояла на подступах к городу. У большевиков не было достаточно орудий, и город ей был сдан без боя¹⁰.

– Белые входят в город, – передавалось из уст в уста. Народ высыпал на улицы. Вышли в нарядных платьях, в шляпках. У многих в руках были букетики цветов, которые бросали военным, стройными рядами входившим в город.

– Скорей, скорей, – торопила меня мать. – Может быть, среди них Боря.

Мы спустились на Старопортофранковскую улицу, по которой шли войска. Их радостно приветствовали. Многие плакали. Другие бросались на шею незнакомым бойцам и целовали их как родных.

С приходом Белой армии город вновь ожил и наполнился шумной жизнью. Военные попадались на каждом шагу. Вместе с добровольцами в город вошли союзники – румыны, итальянцы, греки, которые больше думали о своих материальных выгодах, чем о помощи изнывавшей в последних судорогах России¹¹. Жизнь забила ключом, но это была уже конвульсия. Почти вся Россия была уже под красным флагом. Не занятым большевиками оставался еще юг с его Черным морем. Чувствуя уже свою обреченность, военные кутили

10. В августе 1919 г. Одессу занял десантировавшиеся с моря части Вооруженных сил Юга России, советские войска и учреждения были вынуждены спешно покинуть город.

11. На самом деле интервенты дислоцировались в Одессе с декабря по апрель 1918 г.

вовсю, расшвыривая деньги. Вынырнули опять дельцы. Что-то покупали, что-то перепродавали и оптом, и в розницу. Два самых больших и шикарных ресторана – «Робина» и «Фанкони»¹², один против другого на Екатерининской улице – были полны дельцов, спешивших нажать на разных сделках, пока было еще возможно, утерянное при большевиках. По городу ходил такой анекдот, могущий быть принятым за действительность: «В ресторане за смежными столиками сидят несколько коммерсантов. Одному из них кельнер подает стакан кофе, в который случайно попала соломинка. Вытаскивая ее из стакана, он бросил вдогонку кельнеру: “солома!” Услыхав магическое слово, от соседнего столика поднялся другой коммерсант и подошел к первому.

– Почему продаете?

– Что?

– Солому... Беру весь вагон.

– Какую солому? Я никакой соломы не продаю.

– Заберу за всякую цену... Сколько у вас ее – вагон, два?»

Подобные анекдоты ходили по всему городу. Кто их выдумывал, кто распространял? Народ, прислушивавшийся и приглядывавшийся ко всему. Авторы анекдотов и песенок на злобу дня никому не были известны, но песни и анекдоты подхватывались всем народом. Люди спешили жить и взять от жизни все, что еще можно было у нее взять.

Общей же массе жилось трудно. Подвоза продуктов не было, так как окрестные деревни не были еще очищены от большевиков. Хлеб выпекался из гороховой муки. Немного легче было с промышленными товарами, остатки которых еще сохранились на складах, и владельцы спешили их распродать. Опять заработала черная биржа, где можно было достать все, но по сильно увеличенным ценам.

Несмотря на материальные трудности, население повеселело. Появились вновь нарядные дамы, экипажи, пролетки. На улицах зазвучал смех, в ресторанах гремела музыка. Командующий Одесским округом, генерал Шиллинг¹³, пытался наладить жизнь, но ему это удавалось с трудом. Зато церкви были переполнены молящимися. В воскресные и праздничные дни даже огромный Собор не вмещал всех прихожан. В один из праздничных дней по окончании богослужения в Соборе выходившие из храма встретили колонну кавалергардов, двигавшуюся по Соборной площади. Во главе ее на белой лошади гарцевал

12. Оба кафе находились на пересечении Екатерининской и Ланжероновской улиц. В «Робине» собирались артисты и писатели, а завсегдатаями «Фанкони» были предприниматели.

13. Шиллинг Николай Иванович (1870–1946) – генерал-лейтенант, с августа 1919 г. по март 1920 г. – командующий войсками Новороссийской области ВСЮР; эмигрировал.

красавец-офицер Гришин-Алмазов¹⁴. Люди устроили колонне восторженную встречу. <...>

Красные продвигались все южнее. Одесса была наводнена артистами, писателями, музыкантами, бежавшими вместе с белыми из северных городов. Некоторые заблаговременно покидали Одессу, пока Черное море было свободно. <...>

Настроение одесситов было тревожным. Многие, бежавшие на юг с севера, покинули уже город. Кто уехал в Новороссийск, кто подался за границу. Ценность выпущенных Добровольческой армией денег (колокольчиков) катастрофически падала. Расчеты велись уже десятками тысяч и миллионами, но жизнь в городе продолжала еще кипеть.

Одесса шла уже к своему концу. Все попытки создать в городе культурную жизнь были уже ее конвульсией. Большевики, оттесняя белых к Черному морю, стягивали вокруг города кольцо. Из города уезжали те, кто тут еще задержался. <...>

Между тем жизнь в городе становилась все скуднее. Подвоз продуктов из окрестных деревень почти совсем прекратился. Деньги носили не в ридикюлях, а в мешках. Жалованье служащих все время повышали, и оно исчислялось уже миллионами. Все население стало миллионерами без штанов. Жизнь уже шла по инерции. Куплетист Троицкий распевал с эстрады «Яблочко» и куплеты на современные темы, высмеивая большевиков:

*Жена коль разоряет
На тряпки и духи,
Притом же изменяет –
Тут шуточки плохи...*

с припевом после каждого куплета:

*Отдай жену товарищам –
И больше ничего.
Отдай жену товарищам –
И больше ничего.*

В Одессе в это время находилась звезда немого кино Вера Холодная. Как-то я встретила ее на Дерибасовской с ее мужем, тоже артистом кино, Руничем¹⁵. Она показалась мне совсем не такой, как на экране. Небольшого роста,

14. Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (1880–1919) – подполковник Русской армии, в конце 1918 г. возглавил офицерский отряд, который вытеснил петлюровцев из Одессы. Назначен военным губернатором. В марте 1919 г. отстранен от должности, покинул город вместе с интервентами. Отправился в Сибирь, где его пыталась арестовать советская администрация, застрелился при аресте.

15. Холодная Вера Васильевна (1893–1919) скоропостижно умерла от гриппа. Рунич Осип Ильич (1889–1947) – актер театра и кино; эмигрировал. Мужем Холодной не был.

худенькая, бледная. Только глаза, большие, темные глаза смотрели так, как на экране.

Неожиданно разнесся слух, что она скончалась якобы от неудачного аборта. Позже по городу поползли слухи, что ее отравили не то большевики, не то добровольцы как шпионку. Ее набальзамированное тело стояло в Соборе. В день похорон вся Одесса провожала ее. Протиснуться в этот день не только к Собору, на Соборную площадь, но и на прилегающие к ней улицы было невозможно. Множество полицейских сдерживало напор толпы, желавшей проститься со своей любимицей.

В эти дни у нас снял комнату полковник Белой армии. От него мы узнали, что положение в городе настолько серьезно, что со дня на день нужно ожидать ухода Белой армии. Он очень беспокоился о жене, оставшейся в Москве. Передал матери для нее деньги с просьбой переслать в Москву, если армии придется оставить город. Мать в точности исполнила его просьбу, но деньги-то были «колокольчики»! <...>

Город еще жил шумной жизнью. В ресторанах по-прежнему гремела музыка, театры были переполнены. Газеты выходили регулярно. Небольшая газетка «Перо в спину» с шуточными объявлениями и местными сплетнями имела среди одесситов большой успех, хотя выходила она уже на плохой, серой бумаге. Но это был уже пир во время чумы. В Управе всем служащим выдали жалованье на три месяца вперед. Я принесла домой такую кучу денег, что мать, предчувствуя конец, пошла закупать все возможное, пока еще было можно. Однако купить ничего не удалось. «Колокольчиков» никто уже не принимал.

Наконец наступил не неожиданный для одесситов день, когда, проснувшись, они увидели мчащиеся по улицам пролетки с военными, платформы со штатскими, нагруженные вещами, отдельных военных с чемоданами и портфелями, спешащих в общем со всеми направлении – к пристани. Полковник, тепло с нами распрощавшись, тоже ушел туда, где военных ожидали пароходы. Они были уже набиты до отказа, но прибывали новые и новые военные и штатские, тесня и тесня находившихся на пароходах, где не оставалось уже ни одного незаполненного людьми уголка, ни одной щелины. Пароходы были уже погружены в воду ниже ватерлинии, а люди лезли и лезли на них, срываясь в воду вместе с чемоданами и корзинами. Люди пытались хоть одной рукой уцепиться за перила сходней, которые невозможно было поднять. Длинная лестница, ведущая из бульвара в порт, сверху донизу была запружена народом, спешащим вырваться из обреченного города. Дамы в нарядных шляпках, теряя коробки и чемоданчики, подобрав длинные юбки, стремглав мчались по ней вниз. Иногда, упав, затаптывались бегущими за ними. Щелкали ружейные выстрелы, стрекотал пулемет, бивший по бегущей по лестнице толпе штатских и военных. Ступени были уже окрашены кровью, а люди бежали

и бежали, не обращая ни на что внимания. Пароходы, наконец, с трудом подняли сходни и начали отходить от берега, но люди, скопившиеся у воды, продолжали умолять принять и их. Увещевания капитанов, что они не могут принять больше ни одного человека, не рискуя пойти ко дну, ни на кого не действовали. Люди цеплялись за сходни к тем пароходам, где охрипшие капитаны не могли из-за скопления людей их поднять. Страх отнимал разум у людей. Уже не один десяток людей поглотило море, но люди напирали на стоящих впереди, прижимая их к корпусу парохода.

Стрельба шла уже в порту. Стреляли по цеплявшимся за сходни людям. И неизвестно было, кто стрелял. Банды ли, орудовавшие в порту, ждущие ли большевиков рабочие или добровольцы, чтобы освободить сходни и дать выйти в море пароходам.

Красная армия была на Заставе, куда били орудия с уходящих пароходов. Снаряды с завывающе-жутким звуком, перелетая город, разрывались где-то за ним. Пароходы медленно отшвартовывались от берега и, огибая мол, уходили в открытое море. Тысячи людей остались в порту, не будучи в состоянии пробиться к пароходам. Большевики уже разъезжали в грузовиках, ощеренных на жителей дулами винтовок, по улицам города. Красные банты, развевающиеся по ветру ленты бескозырок, через плечи пулеметные ленты. Пьяные вдрызг, они орали дикие песни. <...>¹⁶.

Вечером, закрыв ставни и заложив окна подушками, прислушивались к тому, что происходило на улице. Только когда стрельба прекратилась, мы легли в постели. Не успели задуть коптилку, как слабо прозвучал колокольчик.

– Это они! – вскочила с постели мать.

Я тоже поднялась, набросив на плечи халатик. Услыхала радостный, но и взволнованный голос матери в передней.

– Боренька... ты?.. в городе большевики.

Бросившись в переднюю, попала в объятия брата.

– Понимаешь, меня послали в Одессу за фуражом. Я охотно принял поручение, чтобы увидеться с вами. По нашим сведениям, город был еще в руках добровольцев. Поезд стал у Заставы. Сошел с вагона. Ночь. Темь, хоть глаз выколи. Тишина и пустынно. Где-то вдали стреляли. Сразу возникло подозрение. На всякий случай сорвал с фуражки кокарду, с плеч погони...

– Пойдем, сынок, в комнаты... там расскажешь.

Бросилась хлопотать, чтобы накормить его.

– Не надо, мама, я не голоден. Дайте лучше я погляжу на вас.

– Что теперь будет? Ты в военном, – волновалась мать.

16. Логунова описывает так называемую одесскую эвакуацию февраля 1920 г., когда ВСЮР и гражданское население спешно покидали город под натиском большевиков. Многие, не успевшие погрузиться на переполненные суда, погибли.

– Утро вечера мудренее. Я устал. Приготовь мне постель и будем ложиться.

Мать внесла с веранды в гостиную раскладушку.

– Ложись, сынок... Спи спокойно.

Сняв с себя френч и галифе, перекинул их через спинку стула. Шевровые сапоги – под раскладушку, короткую для большого Бориного роста. В соседней комнате легли мы и долго, лежа, переговаривались через дверь. В столовой часы пробили один удар.

– Час ночи, – сказала мать и, поднявшись, прошла к Боре, чтобы перекрестить его на сон грядущий.

– Спи спокойно!.. Господь да хранит тебя! – неожиданно встрепенулась, прислушиваясь. – Слышишь?.. Стучат в ворота.

– Иди, иди, мамулечка, у страха глаза велики.

Мать вернулась в спальную. Лежала, прислушиваясь. В ворота стучали так сильно, что проснулась и я.

– Это прикладами. Они разобьют ворота, – прошептала мать.

В ту же минуту мы услышали, как ворота с шумом распахнулись и гулкие выстуки сапог застучали во дворе.

– Боже мой!.. Боже мой!.. Это они, а тут Боренька... Лучше бы он не приезжал.

– Успокойся, мама... почему они придут обязательно к нам? – и тотчас и мать, и я услышали стук шагов на нашей наружной лестнице. Они гулко отдавались в ночной тишине. Мы обе вскочили, оцепенев от страха. «Может быть, в соседнюю квартиру», – мелькнула у меня мысль. Лестница с площадки поворачивала к нам и к ним. Стук в нашу дверь. Громкий, бесцеремонный и требовательный. Мать рванулась в переднюю.

– Не отворяй двери... Может быть, постучат и уйдут.

Стук повторился, более сильный и требовательный. Опасаясь, чтобы не выломали дверь и не разбили стекло, мать вышла на веранду. Засветив «коптелку», я пошла в гостиную. Увидела, как Боря хотел подняться.

– Не поднимайся!.. Может быть, обойдется... Лучше, если не увидят в квартире мужчины.

В ту же минуту мой взгляд упал на разложенные на стуле френч и галифе... Сбросив с себя халатик, прикрыла им офицерскую одежду. Двое матросов с устало повисшими за спиной лентами бескозырок и пулеметными лентами через плечи и наганами в руках вошли вслед за матерью в комнату. Я с «коптелкой» вышла им посветить.

– Сдайте оружие!

– У нас его нет, – побледневшими губами прошептала мать. Она знала, что под подушкой у Бори лежал наган.

Начался обыск. Спальную перевернули верх дном. Из гардероба и комода выбросили на пол все белье и одежду, разыскивая оружие. Перерыли все ящики письменного стола в столовой и зашли в гостиную. Один из матросов, остановившись перед раскладушкой, рассматривал в упор Борю. Безусое, совсем мальчишечье лицо с большими, широко открытыми синими глазами, опущенными веером черных, загнутых кверху ресниц, выглядело совсем детским.

– Кто? – повернулся матрос к матери.

– Сын... гимназист... учится... – одними губами прошептала мать.

Постоял, поглядел и отошел.

Будя ночную тишину бесцеремонными выстуками каблуков, матросы ушли. Только теперь мать покачнулась. Я еле успела ее поддержать.

– Пронесло!.. Господи, благодарю Тебя! – упала на колени у раскладушки.

– Мамулечка, успокойся!.. Все кончилось благополучно, – прижал к себе мать Боря, – если бы... я дорого бы продал свою жизнь. Все пули в них, последнюю в себя.

– Что ты говоришь, Боренька?.. Молись, молись! Это Господь спас тебя.

Никто из нас больше не ложился. Не спал и весь наш дом, в котором матросы не пропустили ни одной квартиры.

Чуть забрезжил рассвет, мать достала у соседей рвань «под большевика».

– Надень, Боренька!

Мундир и галифе спалила в печи.

И ушел сын и брат от нас навсегда. <...> [Logunova, box 8, fol. 13, p. 278–327].

Библиография

Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. X. С. 35–207.

Воронцова Г.Н. «Нами убит известный атаман Григорьев». К истории гибели одного из руководителей повстанческого движения на Украине в годы Гражданской войны // Россия и современный мир. 2018. № 3. С. 164–173.

Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-История, 2013. 352 с.

Ставров П.С. Эдя Багрицкий и другие // Дерибасовская-Ришельевская. Альманах. 2003. № 14. С. 252–265.

Logunova N.A. Tri Epokhi. Memoirs // Rare Book & Manuscript Library Collection. Logunova N.A. Papers, 1913–1972. Box 8. Fol. 11–14. P. I–II, 1–452; Box 9. Fol. 1–8. P. 453–1435.

References

Bunin I.A. Cursed Days. Bunin I.A. Collected Works. Berlin: Petropolis, 1935. Vol. X. P. 35–207. (In Russ.)

Logunova N.A. Tri Epokhi. Memoirs. Rare Book & Manuscript Library Collection. Logunova N.A. Papers, 1913–1972. Box 8. Fol. 11–14. P. I–II, 1–452; Box 9. Fol. 1–8. P. 453–1435.

Puchenkov A.S. Ukraine and Crimea in 1918 – early 1919. St. Petersburg: Nestor-History, 2013. 352 p. (In Russ.)

Stavrov P.S. Edya Bagritsky and others. Deribasovskaya-Risheljevskaya. Almanac. 2003. No. 14. P. 252–265. (In Russ.)

Vorontsova G.N. «We killed a famous ataman Grigoriev». To the history of the death of one of the leaders of the rebel movement in Ukraine during the Civil War. Russia and the contemporary world. 2018. No. 3. P. 164–173. (In Russ.)